

РЕФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: РОЛЬ МИФОВ И ИНСТИТУТОВ

В.В. ВОЛЬЧИК,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону,
e-mail: volchik@sfedu.ru

В статье рассматривается проблема реформирования российской системы высшего образования сквозь призму мифов, которые прочно укоренились в общественно-политическом дискурсе. Институциональные изменения в сфере российского высшего образования характеризуются институциональной инерцией и зависимостью от предшествующей траектории развития, поэтому решения об изменении ключевых институтов должны соотноситься с возможностью жесткости существующих правил и действия эффекта блокировки. Главной причиной неэффективности российской системы высшего образования является хроническое недофинансирование, что сказалось на формировании стимулов и неформальных институтов, которые являются препятствием на пути эффективных реформ. Особое внимание уделяется анализу количественных показателей реформирования системы образования в контексте эволюционной адаптации акторов к происходящим изменениям организационных форм и институтов.

Ключевые слова: реформа образования; институциональная экономика; институциональная инерция; эффект блокировки; эволюция институтов; государственная политика.

REFORMATION OF THE RUSSIAN HIGHER EDUCATION SYSTEM: THE ROLE OF MYTHS AND INSTITUTIONS

V.V. VOLCHIK,

Doctor of economic sciences (DSc), Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: volchik@sfedu.ru

The problem of the Russian higher education system reformation is considered in the article in the light of myths embedded strongly in the socio-political discourse. Institutional change in Russian higher education is associated with institutional inertia and path-dependence phenomenon; therefore, decisions about the alteration of the key institutions supposed to be compared with the feasible rigidity of subsisting rules and lock-in effect. Persistent lack of financing as the primary cause of the Russian higher education system inefficiency has resulted in emergence of incentives and informal institutions which impede efficient reforms. Special attention is paid to analysis of the education system reformation performance in the context of evolutionary adaptation of actors to the change in organizational forms and institutions.

Keywords: education reform; institutional economics; institutional inertia; lock-in effect; evolution of institutions; public policy.

JEL classification: B52, I28, H52.

1

Институты имеют значение, особенно их значение усиливается при анализе проблем, связанных с глубокими экономическими и социальными реформами. О необходимости реформирования отечественного образования давно говорили представители почти всех политических течений: радикальные либеральные реформаторы, крепкие хозяйственники, обновленные коммунисты и т. д. В образовательном сообществе также мало кто будет спорить, что реформы образования назрели и откладывать их уже некуда. Споры возникают лишь о способах и направлениях реформирования отечественного образования. В данной статье предпринимается попытка исследовать институциональный аспект реформ в сфере образования.

Родоначальник новой институциональной экономики Рональд Коуз как-то заметил, что успех любых институциональных реформ в первую очередь зависит от того, понимает ли население смысл и функции формируемых или изменяемых институтов (*Интервью с Р. Коузом, 1999. С. 21*). Поэтому проблемы модернизации образования должны рассматриваться через призму интенциональности основных акторов (*Норт, 2010. С. 67*), а также устойчивых убеждений относительно современного состояния российской системы высшего образования.

Современная институциональная и организационная структура российского высшего образования и науки сформировалась в период, характеризующийся дисфункцией (*Полтерович, 2001*) или экзаптацией (*Вольчик и Бережной, 2012*) многих импортируемых или выращенных рыночных институтов. С другой стороны, система высшего образования и науки встроена в институциональную структуру общественного сектора и невозможно, например, решить проблему эффективных государственных закупок для сферы образования, не создав условий для преодоления «всепобеждающего оппортунизма» (*Вольчик, 2011*) в данном секторе экономики в целом. Улучшение показателей экономического развития необязательно приводит к формированию эффективных институтов (*Chang Ha-Joon, 2011*). Однако успешное реформирование сферы высшего образования и науки зависит прежде всего от того, сформируются или нет институты, которые станут основой для воспроизводства продуктивных повторяющихся взаимодействий в рамках организаций и механизмов регулирования.

Продуктивность образования также нельзя сводить только к показателям рейтингов. Эффективность институциональной структуры сферы образования нельзя оценить исключительно в терминах оптимизации предоставления образовательных услуг. Образование это не только услуга, это прежде всего процесс социализации, формирования человеческого и социального капиталов. И хотя глобализация, безусловно, влияет на развитие сферы образования, все же национальные особенности исторически сложившихся институтов, правил, обычаев и поведенческих паттернов не могут быть элиминированы при разработке стратегии и тактики ее реформирования.

Для успешного реформирования существующей институциональной структуры высшего образования необходимо ответить на вопрос: что стало причиной доминирования неэффективных или субоптимальных институтов. В нашей предыдущей работе отмечалось, что эволюция российской системы образования характеризовалась эффектами институциональной инерции и зависимости от предшествующей траектории развития (*Вольчик, Белокрылова, Германова и Михалкина, 2004*). Экономические проблемы развития российской системы образования требуют использования современных исследовательских подходов к анализу качественной институциональной динамики. Исследуя институциональные изменения, необходимо учитывать, что институциональная структура обладает свойством инертности (*Вольчик и Скорев, 2003*), которое заключается в том, что большинство институциональных инноваций (обычно с постоянным и убывающим эффектом масштаба) оказываются отвергнутыми в процессе эволюции экономической или социальной системы¹. Существующая институциональная структура также является результатом адаптации к внешним факторам, например, таким как спрос на отсрочки от армии, недофинансирование, рейдерские захваты имущества. Эффект блокировки на неэффективных институтах (lock in) трудно преодолеть не только из-за возрастающей отдачи от существующих институтов, но также из-за того, что акторы элементарно привыкли к существующему положению дел и встроили свои долгосрочные поведенческие стратегии в существующие институциональные ограничения (*Khalil, 2013*). Поэтому доступные более эффективные институты и механизмы регулирования (со стороны не включенных в систему наблюдателей) при их конкретном внедрении будут демонстрировать некомплементарность существующему социальному капиталу и неформальным институтам, что может нивелировать положительный эффект от их внедрения.

Основная причина упадка отечественного высшего образования коренится в его хроническом недофинансировании, с одной стороны, и, с другой, высокими обязательствами государства по его предоставлению как общественного блага. Поэтому пути выхода из сложившейся ситуации должны

¹ О природе и механизмах технологической инерции см. работы Дж. Мокира: (*Mokyr 1992; Mokyr 1990*).

разрабатываться исходя из учета институциональных дисфункций, сформировавшихся в предыдущие десятилетия.

2

В российском общественно-политическом дискурсе господствует точка зрения, что существует значительный избыток учреждений высшего образования и, следовательно, подготавливается избыточное количество лиц высшей квалификации. Обратной стороной избытка высшего образования является его невысокое качество и, следовательно, для повышения качества отечественного высшего образования надо значительно сократить «предложение образовательных услуг», особенно по направлениям подготовки, которые не являются «приоритетными для народного хозяйства». И хотя данный тезис частично отражает существующее положение дел в отечественном образовании, он не совсем верен.

Рассмотрим количественные показатели обеспеченности высшим образованием согласно официальной российской статистике (табл. 1). При детальном анализе официальных данных Росстата избыток высшего образования представляется далеко не очевидным, более того, динамика российских показателей свидетельствует, что отечественная система образования устойчиво движется в направлении, противоположном мировым трендам на повышение доли населения, включенного в системы высшей школы.

Таблица 1

Численность студентов² (на 1000 человек населения) (Росстат, 2012а. С. 741)

	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011
Россия³	49	68	70	69	68	65	61
Страны СНГ							
Армения	28	40	45	46	45	43	43
Беларусь	44	56	60	61	63	65	65
Казахстан	41	77	78	72	69	68	68
Киргизия	44	52	56	55	57	57	59
Украина	40	58	61	61	57	55	51
Страны ЕС							
из них:							
Австрия	33	30	32	34	37
Болгария	33	31	34	35	37	39	...
Венгрия	30	44	43	42	40
Дания	36	43	43	42	43
Испания	46	42	40	40	40
Литва	35	58	60	62	64	61	...
Нидерланды	31	35	36	37	38
Польша	42	56	57	57	57
Румыния	21	34	43	49	52	47	...
Соединенное Королевство (Великобритания)	35	38	39	39	40
Финляндия	53	59	59	59	56	57	...
Франция	35	36	36	35	35
Швеция	39	48	46	45	46	49	...
Другие страны							
из них:							
Австралия	45	51	52	53	56	58	...
Индия	9	11	13	15	16	17	...
Китай	6	16	19	20	22	23	...
Мексика	20	23	24	24	25	26	...
Новая Зеландия	45	59	58	58	62	62	...
Норвегия	43	47	46	45	46	47	...
Республика Корея	66	69	68	68	68	69	...
США	47	59	60	61	63	67	...

² Студенты высших учебных заведений и учреждений послевузовского образования. По России за 2005–2010 гг. показатели рассчитаны с использованием численности населения, пересчитанной с учетом итогов ВВП–2010.

³ В России и странах СНГ студенты средних профессиональных и высших учебных заведений, аспиранты и докторанты.

Согласно данным табл. 1, в СНГ, ЕС, Азии и Америке есть страны, в которых показатели численности студентов на 1000 человек населения не только не ниже, а выше российской численности студентов. Увеличение численности российских студентов за последние годы (до 2007) в целом соотносилось с мировой тенденцией все большего распространения высшего образования, которая характерна как для развитых, так и для развивающихся стран. Однако с 2008 г. в России количество студентов на тысячу человек населения снижается, и, видимо, данная тенденция будет усиливаться. Необходимо учитывать, что численность студентов в табл. 1 приводится с учетом студентов техникумов и колледжей (средних профессиональных учебных заведений). Более точно число студентов высших учебных заведений можно оценить, используя данные табл. 2.

Таблица 2

**Образовательные учреждения высшего профессионального образования
(на начало учебного года) (Росстат, 2012b. С. 152)**

	1993/94	1995/96	2000/01	2005/06	2007/08	2008/09	2009/10	2010/11	2011/12
Число образовательных учреждений - всего	626	762	965	1068	1108	1134	1114	1115	1080
в том числе:									
государственных и муниципальных	548	569	607	655	658	660	662	653	634
негосударственных	78	193	358	413	450	474	452	462	446
Численность студентов – всего, тыс. чел.	2613	2791	4741	7064	7461	7513	7419	7050	6490
в том числе в образовательных учреждениях:									
государственных и муниципальных	2543	2655	4271	5985	6208	6215	6136	5849	5454
из них обучалось на отделениях:									
очных	1625	1700	2442	3195	3241	3153	3017	2860	2687
очно-заочных (вечерних)	170	161	259	300	280	269	253	237	207
заочных	748	795	1519	2348	2532	2637	2710	2657	2486
экстернат	-	0,1	51	142	155	156	155	95	73
негосударственных	70	136	471	1079	1253	1298	1283	1201	1036
из них обучалось на отделениях:									
очных	37	53	183	313	331	304	263	214	161
очно-заочных (вечерних)	5	14	44	71	72	74	71	68	56
заочных	22	61	243	684	835	904	929	900	803
экстернат	6	7	1	11	14	16	21	19	16
Численность студентов образовательных учреждений на 10 тыс. чел. населения ⁴ , чел.	176	188	324	495	525	529	523	493	454
в том числе государственных и муниципальных	171	179	292	419	437	438	432	409	381
Из общей численности студентов – женщины, тыс. чел.	1347	1517	2686	4114	4345	4344	4254	4030	3642

⁴ За 2005/06 – 2009/10 учебные годы показатель рассчитан с использованием численности населения без учета итогов ВПН-2010, за 2010/11 – с учетом итогов ВПН-2010.

Окончание табл. 2

	1993/94	1995/96	2000/01	2005/06	2007/08	2008/09	2009/10	2010/11	2011/12
Численность профессорско-преподавательского персонала в образовательных учреждениях, тыс. чел.:									
в том числе:									
в государственных и муниципальных	239,8	240,2	265,2	322,1	340,4	341,1	342,7	324,8	319,0
в негосударственных ⁵	3,8	13,0	42,2	65,2	78,8	63,4	54,8	32,0	29,2

Если учесть данные табл. 2, то численность студентов образовательных учреждений высшего образования на тысячу чел. составляет 45. Исходя из этого показателя, Россия уступает по количеству студентов уже не только США, но и многим европейским странам. Однако важно учитывать еще качество образования, которое получают студенты. Например, в постсоветские годы заочное высшее образование во многом эволюционировало в своеобразную «очередь за дипломом» длиной в 5–6 лет. В российском образовании доля очного образования (включая государственные и негосударственные образовательные учреждения) составляет всего 44% от общего числа обучающихся (для сравнения, доля обучающихся по очной форме обучения в США составляет 62% (*Number of U.S. Colleges and Universities and Degrees Awarded, 2005*)). Современный мир преобразуется под влиянием интернета и информационных технологий, поэтому довольно распространена точка зрения, что в ближайшем будущем классическое высшее образование будет если не вытеснено, то потеснено сетевым дистанционным образованием. Однако для полноценной социализации и реальной вовлеченности в образовательный процесс ничего лучше, чем очная форма обучения, еще не изобрели. Безусловно, что сами технологии очного высшего образования изменяются, включая элементы дистанционности, интерактивности и т. д. Таким образом, современная отечественная система высшего образования характеризуется не избытком студентов, по сравнению с развитыми странами, а наоборот, их относительным недостатком, исходя из реалий социально-экономического развития развитых национальных экономик.

3

Институциональные изменения в сфере российского образования должны, по мнению реформаторов, привести к повышению его эффективности. Однако простой вопрос о том, что служит критериями эффективности системы образования, не имеет простого и однозначного ответа. Система образования не является чисто рыночной, более того, она производит преимущественно общественные и смешанные, а не частные блага.

Производство общественных благ непосредственно не может быть оценено в рыночных координатах эффективности. Поэтому оценка результативности организаций, производящих общественные блага, базируется на искусственно созданных критериях. Такие критерии, с одной стороны, отражают интенции лиц, формирующих социальную и экономическую политику, а с другой, неизбежно формируют институты и поведенческие паттерны, связанные с адаптацией акторов в ходе эволюции адаптивно сложной системы (*Артур, 2003*).

Для прогнозирования и создания новых институтов необходимо обладать релевантной информацией о существующих правилах, практиках и институтах. Институциональная экономическая теория (в ее конструктивистском варианте (*Ефимов, 2011а; Ефимов, 2011б*)) может быть использована в плане формирования понимания происходящих процессов. Мифы, навязываемые общественному мнению относительно существующего положения дел в образовании, могут быть причиной несоответствия интенций акторов и реальных тенденций развития системы высшего образования.

Развитие любого сложного социального организма связано с проблемой идентичности (*Радченко, 2010*). Исследование идентичности требует повышенного внимания к социальным нормам или институтам (*Акерлоф и Крэнтон, 2011*), а также механизмам интерпретации акторами таких норм. Относительно национальной идентичности российского образования мы сталкиваемся с определенным дуализмом: во-первых, современное развитие науки связано с предоставлением научных результатов на английском на языке, во-вторых российское высшее образование и наука существуют

⁵ С 2010/11 учебного года – без внешних совместителей.

и транслируют, и производят знания в русскоязычной среде, где русский язык является ключевым элементом национальной идентичности. Выход из данной дихотомии лежит в плоскости билингвальнойности как образовательного, так и научного процессов в высшем образовании. Причем здесь существуют как трудности с овладением релевантным английским персоналом университетов, так и опасность вытеснения русского языка в маргинальные области научного дискурса.

Институты формируются именно потому, что нельзя осуществить организацию повторяющихся взаимодействий между людьми на регулярной основе без правил. Фундаментальная неопределенность связана со стимулами у акторов по упорядочиванию взаимодействий. Правила могут возникать *ad hoc* или вследствие случайных исторических событий. Целенаправленные институциональные изменения всегда сталкиваются с препятствиями: институциональной инерцией и зависимостью от предшествующей траектории развития. Эволюция институциональной организации системы образования в эффективном направлении возможна только при реальном повышении финансирования на протяжении существенного промежутка времени.

Современным состоянием системы образования недовольны не только в России. Например, известный американский экономист Джефри Сакс отмечает: «Американское высшее образование, некогда безоговорочно задававшее стандарты высшего образования во всем мире, отстает. В настоящее время США занимают 12-е место в мире по доле людей в возрасте 25–34 лет, имеющих незаконченное высшее образование. Во многих других странах резко растет доля окончивших колледжи, особенно с четырехлетним сроком обучения, что выражается в значительном увеличении зарплаток, низком уровне безработицы и высокой степени гарантированности занятости. В США учащихся колледжей больше, но доля заканчивающих четырехлетнее обучение и получающих степень бакалавра с 2000 года остается неизменной» (Сакс, 2012. С. 33).

Высшее образование неизбежно в современном мире приобретает новые функции. Сто или пятьдесят лет назад высшее образование охватывало незначительную часть населения и основной его функцией было получение профессиональных навыков и знаний высшей квалификации. Недаром в современной России университеты, институты и академии относятся к учреждениям «высшего профессионального образования».

Современное высшее образование становится необходимым элементом социализации в обществе и дело здесь не только в социальных лифтах (хотя социальные лифты, конечно, имеют значение). Усложнение жизни общества просто требует большего времени для обучения и социализации новых поколений.

Главной причиной инволюции российской системы высшего образования является более чем двадцатилетнее хроническое недофинансирование. Недофинансирование привело к тому, что заработные платы не только ассистентов и старших преподавателей, а и доцентов и профессоров стабильно были ниже средних зарплат по региону. Профессия вузовского преподавателя если и не стала маргинальной, то только «благодаря» значительной доле теневых доходов, оборачивающихся в высшем образовании. Рынок дипломных и курсовых работ возник во многом по причине вынужденности дополнения скудного финансирования образования и науки (Овсянникова, 2013). В образовании (и возможно в научных учреждениях) в настоящий момент может наблюдаться избыточная штатная численность как преподавательского, так и вспомогательного персонала. Но здесь важным является не сам факт наличия такого избытка, а причина его возникновения.

У каждой профессии есть особенности, которые имеют критическую важность, но обычно носят неформальный характер и не отражаются в правилах и нормативах, определяющих условия труда. Академические свободы, преемственность научных школ, преподавательское или профессорское сообщество не являются пустыми понятиями и от них во многом зависит часто упоминаемая в средствах массовой информации «эффективность расходования бюджетных средств в сфере образования».

План реформ сферы высшего образования предполагает ориентацию на конкретные и, часто, количественные показатели, которые бы ясно давали понять, эффективно или неэффективно расходуются бюджетные средства. Также многие количественные показатели развития системы образования получают отражение в многочисленных международных и национальных рейтингах университетов, позиции в которых являются одним из критериев оценки эффективности процессов реформирования.

Показатели рейтингов необходимы там, где невозможно получить результаты, подлежащие объективной оценке. Например, если вы разрабатываете новый космический аппарат, то эффективность научно-исследовательских работ и разработок будет больше зависеть от функционирования данного аппарата на практике, а не от цитируемости публикаций разработчиков. Излишняя

ориентированность на количественные показатели приводит к некоторым негативным последствиям, например, таким как излишний формализм при отборе вузов, подлежащих реформированию, безудержный рост отчетности всех форм на всех уровнях образовательной вертикали (Вольчик, 2012).

Некоторые целевые показатели развития образования возвращают нас во времена, когда целью экономического развития было догнать и перегнать Америку. Например, одним из целевых показателей развития образования является «удельный вес численности иностранных студентов в общей численности студентов организаций высшего образования». В 2013 г. этот показатель в Российской Федерации должен составить 3%, а к 2018 г. он вырасти до 10% (Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы. Приложение 1. С. 5). Однако в Соединенных Штатах Америки, система высшего образования которых имплицитно рассматривается как образец при проведении реформ, доля иностранных студентов практически соответствует современной российской и составляет 3% от общего количества обучающихся (Choudaha and Chang, 2012. P. 7). Действительно, ситуация с долей иностранных студентов в США ниже доли студентов в европейских странах, но российская система образования значительно отличается от европейской, и здесь необходимо учитывать географические, демографические, и особенно, институциональные факторы, чтобы корректно оценивать организацию и модернизацию образования по критерию «удельного веса численности иностранных студентов в общей процентной численности студентов организаций высшего образования».

Как же оценить тогда эффективность академического образования? Если рассматривать его как положительную экстерналию, то можно постараться проследить зависимость между затратами на образование и показателями социального развития и мнениями представителей населения об удовлетворенности или неудовлетворенности предоставляемыми образовательными услугами.

Вообще использование любых показателей как ориентиров развития может приводить к блокировке (Arthur, 1989) на субоптимальной траектории развития вследствие зависимости от предшествующей траектории развития. Стимулы изменяют институты, которые на основе устойчивых правил структурируют и определяют специфику повторяющихся взаимодействий в той или иной сфере деятельности. Например, нормативно-подушевое финансирование образования приводит к тому, что преподаватели вынуждены смягчать требования, чтобы не допустить снижения контингента студентов из-за академической неуспеваемости.

Рассмотрение эволюции системы образования не должно обходить стороной сверхважный и сверхсложный вопрос о природе и результатах конкуренции в сфере образования. Задавая параметры конкуренции (например, связанные с показателями рейтингов), следует осознавать, что тем самым мы определяем ее результаты, особенно в сфере, где производятся преимущественно общественные и смешанные блага.

При оценке эффективности высшего образования опасный утилитаризм может сыграть негативную роль. Образование пытаются привязать к «нуждам народного хозяйства». Однако процесс обучения распространяется не только на прикладные науки, но и на фундаментальные, а также искусства, которые не могут быть однозначно привязаны к «нуждам» или «запланированы в соответствии с потребностями».

Также очень распространен тезис, что высшее образование должно ориентироваться на потребности рынка труда. Однако сами потребности рынка труда и принятие решений о приоритетах направлений профессиональной подготовки разнесены во времени на 4–6 лет. Подход со стороны потребностей народного хозяйства к планированию направлений развития высшего образования больше подошел бы для плановой экономики, где планирование охватывало все факторы производства, а не только труд. Спрос на образовательные услуги имеет рыночную природу, он является отражением того неявного рыночного знания (Хайек, 2000; Вольчик, 2011), которое распределено в социуме. И если система образования будет готовить, например, избыточное количество экономистов и юристов, то данные диспропорции могут при детальном анализе быть не столь связаны с неэффективностью образовательного планирования, сколько просто с временными тенденциями развития общества.

Важным препятствием на пути использования критерия трудоустройства выпускников является то, в современных российских условиях поиск работы идет преимущественно по неформальным путям, следовательно, оценка трудоустройства будет не вполне релевантна относительно качества предоставляемых образовательных услуг.

При осуществлении масштабных реформ очень важной является проблема контроля за самим процессом реформирования и его результатами. Реформирование системы высшего образования как сложной организационной системы очень сложно контролировать, если не происходит институционализация контроля. И здесь существуют два направления: увеличивать количество прове-

рок и органов контроля и дать университетам больше самостоятельности и выращивать механизмы самоконтроля профессорского сообщества, а также широкого общественного контроля.

Формирование эффективных институтов российского высшего образования процесс действительно очень долгий. Всем известно, разрушение обычно происходит быстрее созидания. Если считать, что период разрушения советской институциональной и организационной структуры образования происходил более одного десятилетия, то и создание эффективной системы российского образования займет не один десяток лет. Роль экономистов-институционалистов здесь прежде всего в том, чтобы своими исследованиями давать релевантное понимание происходящих процессов для всех включенных в эти процессы акторов.

ЛИТЕРАТУРА

- Акерлоф Дж., Крэнтон Р. (2011). Экономика идентичности. М.: Карьера Пресс.
- Артур Б. (2003). Индуктивное мышление и ограниченная рациональность. *TERRA ECONOMICUS (Экономический вестник Ростовского государственного университета)*, т. 1, № 3.
- Вольчик В.В. (2011). Институты, экономическая координация и неявное знание. *TERRA ECONOMICUS*, т. 9, № 2.
- Вольчик В.В. (2012). Проблема доверия и модернизация институтов. *TERRA ECONOMICUS*, т. 10, № 2, с. 12–18.
- Вольчик В.В. (2011). Эволюция институциональной структуры размещения государственного заказа в России. *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, т. 2, № 2.
- Вольчик В.В., Белокрылова О.С., Германова О.Е. и Михалкина Е.В. (2004). Эволюция институциональной структуры в сфере образования как следствие зависимости от предшествующего пути развития. *TERRA ECONOMICUS (Экономический вестник Ростовского государственного университета)*, т. 2, № 4.
- Вольчик В.В. и Бережной И.В. Отбор и экзактация институтов: роль групп специальных интересов / В кн. Архипов А.Ю., Кирдина С.Г. и Мартишин Е.М. (ред.) Эволюционная и институциональная экономическая теория: дискуссии, методы и приложения. Глава 8. Спб.: Алетейя, 2012.
- Вольчик В.В. и Скорев М.М. (2003). Институциональная инерция и развитие российской системы образования. *TERRA ECONOMICUS (Экономический вестник Ростовского государственного университета)*, т. 1, № 4, с. 55–63.
- Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы. Доступно на: <http://минобрнауки.рф/документы/3409>.
- Ефимов В.М. (2011а). Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки. *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, т. 2, № 3.
- Ефимов В.М. (2011б). Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки. *Экономическая социология*, т. 12, № 3.
- Интервью с Р. Коузом. (1999). *Квартальный бюллетень Клуба экономистов*, вып. 1, № 4.
- Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: ГУ–ВШЭ.
- Овсянникова Ю. (2013). Невидимый научный фронт. Кто, как и за кого пишет дипломы и диссертации. *Expert Online*. Доступно на: <http://expert.ru/2013/06/25/nevidimyyj-nauchnyij-front>.
- Полтерович В.М. (2001). Трансплантация экономических институтов. *Экономическая наука современной России*, № 3, с. 24–50.
- Радченко В.А. (2010). Эффективная идентификация и экономическое развитие: предпосылки парадигмы идентифициологии. *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, т. 2, № 4.
- Росстат (2012а). Российский статистический ежегодник – 2012. Стат. сб. М.
- Росстат (2012б). Россия в цифрах. 2012. Стат. сб. М.
- Сакс Дж. (2012). Цена цивилизации. М.: Издательство Института Гайдара, 350 с.
- Хайек Ф.А. Использование знания в обществе / В кн. Хайек Ф.А. (2000). Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000, 256 с.
- Arthur W.B. (1989). Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events. *The Economic Journal*, vol. 99, no. 394.
- Chang Ha-Joon (2011). Institutions and economic development: theory, policy and history. *Journal of Institutional Economics*, vol. 7, no. 4.
- Choudaha R. and Chang L. (2012). Trends in International Student Mobility. Feb. WES Research and Advisory Services, p. 7. Available at: <http://www.uis.unesco.org/Library/Documents/research-trends-international-student-mobility-education-2012-en.pdf>.

Khalil E.L. (2013). Lock-in institutions and efficiency. *Journal of Economic Behavior & Organization*, vol. 88, pp. 27–36. (doi:10.1016/j.jebo.2011.10.017).

Mokyr J. (1992). Technological Inertia in Economic History. *The Journal of Economic History*, vol. 52, no. 2, pp. 325–338.

Mokyr J. (1990). Punctuated Equilibria and Technological Progress. *The American Economic Review*, vol. 80, no. 2. Papers and Proceedings of the Hundred and Second Annual Meeting of the American Economic Association. (May, 1990), pp. 350–354.

Number of U.S. Colleges and Universities and Degrees Awarded, 2005. National Center for Education Statistics, Digest of Education Statistics, 2006. Available at: <http://www.infoplease.com/ipa/A0908742.html>.

REFERENCES

Akerlof G., Kranton R. (2011). Identity Economics. Moscow: Carjera Press Publ. (In Russian).

Arthur W.B. (1994). Inductive Reasoning and Bounded Rationality. *American Economic Review*, vol. 84, № 2, pp. 406–411. (Rus. ed.: *Arthur B.* (2003). Induktivnoe myshlenie i ogranichennaya ratsionalnost. *TERRA ECONOMICUS (Economic Herald of Rostov State University)*, vol. 1, no. 3.)

Hayek F.A. The Use of Knowledge in Society / In *Hayek F.A.* (1948). Individualism and Economic Order. London and Chicago: University of Chicago Press. (Rus. ed.: *Hayek F.A.* Ispolzovanie znaniya v obshchestve / In *Hayek F.A.* (2000). Individualizm i ekonomicheskii porjadok. Moscow: Izograf Publ., 256 p.

Interview with Ronald Coase. (1999). *Quarterly Bulletin Of The Club Of Economists*, issue 1, no. 4. (In Russian).

North D. (2010). Understanding the Process of Economic Change. Moscow: State University – Higher School of Economics Publ. (In Russian).

Ovsyannikova Yu. (2013). Invisible Scientific Front. Writing Diplomas and Dissertations: Who, How, for Whom? *Expert Online*. Available at: <http://expert.ru/2013/06/25/nevidimiy-nauchnyj-front>. (In Russian).

Polterovich V.M. (2001). Transplantation of Economic Institutions. *Economics of Contemporary Russia [Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoy Rossii]*, no. 3, pp. 24–50. (In Russian).

Radchenko V.A. (2010). Efficient Identification and Economic Development: Premises of the Identification Paradigm. *Journal of Institutional Studies*, vol. 2, no. 4. (In Russian).

Rosstat [The Federal State Statistics Service of the Russian Federation] (2012a). The Annual Abstract of Statistics of the Russian Federation – 2012. Moscow, 786 p. (In Russian).

Rosstat [The Federal State Statistics Service of the Russian Federation] (2012b). Russia in figures. 2012. Moscow, 573 p. (In Russian).

Sachs J.D. (2011). *The Price of Civilization: Reawakening American Virtue and Prosperity.* Random House Publishing Group. (Rus. ed.: *Sachs J.* (2012). The Price of Civilization. Moscow: Gaidar Institute Publ., 350 p.)

State Education Development Program of the Russian Federation in 2013–2020. Available at: <http://минобрнауки.рф/документы/3409>. (In Russian).

Volchik V.V. (2011). Evolution of the Institutional Structure of State Procurement in Russia. *Journal of Economic Regulation*, vol. 2, no. 2. (In Russian).

Volchik V.V. (2011). Institutions, Economic Coordination and Tacit Knowledge. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 9, no 2. (In Russian).

Volchik V.V. (2012). The Problem of Trust and Institutional Modernization. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 10, no 2, pp. 12–18. (In Russian).

Volchik V.V. and Berezhnaya I.V. Selection and Exaptation of Institutions: the Role of Special Interest Groups / In *Arkhipov A.Yu., Kirdina S.G. and Martishin E.M.* (eds.) Evolutionary and Institutional Economic Theory: Discussions, Methods and Implications. Ch. 8. Saint-Petersburg: Aleteiya Publ., 2012. (In Russian).

Volchik V.V. and Skorev M.M. (2003). Institutional Inertia and Russian Education System Development. *TERRA ECONOMICUS (Economic Herald of Rostov State University)*, vol. 1, no. 4, pp. 55–63. (In Russian).

Volchik V.V., Belokrylova O.S., Germanova O.E. and Mikhalkina E.V. (2004). Evolution of the Institutional Structure in Education as a Result of path-dependence. *TERRA ECONOMICUS (Economic Herald of Rostov State University)*, vol. 2, no. 4. (In Russian).

Yefimov V.M. (2011a). Discursive Analysis in Economics: Revision of the Methodology and History of Economics. *Journal of Economic Regulation*, vol. 2, no. 3. (In Russian).

Yefimov V.M. (2011b). Discursive Analysis in Economics: Revision of the Methodology and History of Economics. *Economic Sociology*, vol. 12, no. 3. (In Russian).

Arthur W.B. (1989). Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events. *The Economic Journal*, vol. 99, no. 394.

Chang Ha-Joon (2011). Institutions and Economic Development: Theory, Policy and History. *Journal of Institutional Economics*, vol. 7, no. 4.

Choudaha R. and Chang L. (2012). Trends in International Student Mobility. Feb. WES Research and Advisory Services, p. 7. Available at: <http://www.uis.unesco.org/Library/Documents/research-trends-international-student-mobility-education-2012-en.pdf>.

Khalil E.L. (2013). Lock-in Institutions and Efficiency. *Journal of Economic Behavior & Organization*, vol. 88, pp. 27–36. (doi:10.1016/j.jebo.2011.10.017).

Mokyr J. (1992). Technological Inertia in Economic History. *The Journal of Economic History*, vol. 52, no. 2, pp. 325–338.

Mokyr J. (1990). Punctuated Equilibria and Technological Progress. *The American Economic Review*, vol. 80, no. 2. Papers and Proceedings of the Hundred and Second Annual Meeting of the American Economic Association. (May, 1990), pp. 350–354.

Number of U.S. Colleges and Universities and Degrees Awarded, 2005. National Center for Education Statistics, Digest of Education Statistics, 2006. Available at: <http://www.infoplease.com/ipa/A0908742.html>.